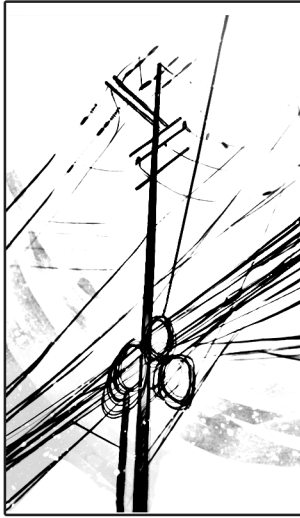

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Глеб.	7
Глава 2. Нелли	16
Глава 3. Глеб.	28
Глава 4. Нелли	36
Глава 5. Глеб.	49
Глава 6. Нелли	57
Глава 7. Нелли	64
Глава 8. Глеб.	75
Глава 9. Глеб.	84
Глава 10. Нелли.	94
Глава 11. Нелли.	102
Глава 12. Глеб.	109
Глава 13. Глеб.	118
Глава 14. Нелли.	126
Глава 15. Глеб.	142
Глава 16. Нелли.	149
Глава 17. Глеб.	165
Глава 18. Нелли.	173
Глава 19. Глеб	187
Глава 20. Нелли.	197
Глава 21. Глеб.	210
Глава 22. Нелли.	218
Глава 23. Глеб.	227
Глава 24. Нелли.	235
Глава 25. Глеб.	242
Глава 26. Нелли.	254
Глава 27. Глеб.	270
Глава 28. Нелли.	280
Глава 29. Глеб.	290
Глава 30. Нелли.	298
Глава 31. Глеб.	304
Глава 32. Нелли.	314
Глава 33. Глеб.	320
Глава 34. Нелли.	329
Глава 35. Нелли.	336
Глава 36. Глеб.	351
Глава 37. Нелли.	358
Глава 38. Глеб.	369
Глава 39. Нелли.	376
Глава 40. Глеб.	389
Глава 41. Глеб.	397
Глава 42. Нелли.	406

КТО В СЕБЕ НЕ
НОСИТ ХАОСА,
ТОТ НИКОГДА НЕ
ПОРОДИТ ЗВЕЗДЫ.
Ф. НИЦШЕ

ГЛАВА 1. ГЛЕБ

Первая истина буддизма гласит, что все проявления жизни от рождения до самой смерти — это череда бесконечных страданий.

Вторая истина раскрывает причину страданий — это ожидания, надежды, мечты...

Третья истина утверждает, что избавиться от страданий возможно лишь посредством избавления от желаний.

А вот уже путь преодоления этих желаний — это четвертая истина.

Было бы здорово, если бы придумали еще и путь преодоления нежеланий. Потому что их у меня всегда намного больше. На первый взгляд может показаться, что нежелание есть желание чего-то другого, но на самом деле это не так.

Ведь, если я не хочу в одиннадцатый раз тащиться в школу на первое сентября, делая вид, будто безумно рад снова впрячься в каждодневную тягомотину, это вовсе не значит, что у меня есть желание подольше поспать или побездельничать. Я просто не желаю идти в школу, и это, между прочим, доставляет не меньше страданий, чем нереализованные желания.

Все та же мажорная нота ликования и праздника. Все те же лица.

8 Тори Ру, Ида Мартин

Лето пронеслось, словно его и не было.

В длинный список нежеланий можно было бы добавить и обязанность нести смешливую конопатую первоклашку с колокольчиком. Меня особо никто не спрашивал — Жанна Ильинична просто позвонила и поставила перед фактом. Типа: я высокий и ответственный. Последнее означало, что я буду ходить на все репетиции, сколько бы их ни было. И я действительно ходил, потому что я и правда ответственный. А еще стоворчивый и безотказный.

Мама сказала, я должен гордиться, что меня выбрали для столь важной миссии, и мне приятно, что она этому рада, но на этом всё. Потому что я прекрасно знаю, как будет дальше. Пройтись перед всеми с первоклассницей на плече — идеальное начало учебного года. Лучшего повода глума для всей параллели и не придумаешь.

Не нужно обладать третьим глазом, чтобы представить десятки последующих за этим мемов: «Явление чудотворного колокольца», «Посвящение в святые неугодники», «Преображение Святоши перед лицом народа», — но большинство из них будут, конечно, не столь затейливыми и ироничными, а откровенно похабными и тупыми.

Ничего, разумеется, нового, и все же не сильно заманчивая перспектива.

— Ой, Святоша, привет! А ты чего с букетом, а не с венком?

Оборачиваться смысла нет. У Румянцевой такой тягучий и прокуренный голос, что ошибиться невозможно.

— Че за игнор, Филатов?

Она резко дергает сзади за рюкзак, от чего, оступившись, я делаю шаг в лужу, и фонтан крошечных брызг оседает на идеально выглаженных штанинах черных брюк. Задохнут — останутся пятна. Мама расстроится.

Но с Румянцевой лучше вообще не связываться: чем больше ей отвечаешь, тем сильнее она липнет. Поэтому я просто смотрю вперед и считаю оставшиеся до конца дорожки фонари.

Ночью прошел дождь, но ясное утреннее солнце уже всю сверкает на влажной листве деревьев и обещает хороший, все еще по-летнему теплый день.

— Ты чего там, молишься? — Румянцева пристраивается рядом и хватает меня под руку.

Из яркой длинноволосой блондинки за лето она превратилась в короткостриженую брюнетку. С волосами ей было лучше, а черный цвет придал симпатичному, но жесткому личику остроты, и она стала похожа на восторженную галку.

— Новый образ? — Я делаю вид, будто мне нравятся произошедшие с ней перемены, и одобрительно киваю.

— Постриг приняла, — хихикает она. — Одобряешь?

— Постриг предполагает целомудрие, так что у тебя просто стрижка.

И кто меня только тянет за язык?

— Целомудрие? — хохочет она на всю улицу. — А это как? Научишь?

Теперь уж точно лучше промолчать. Я сам дал ей повод и приготовился расплачиваться по полной.

— Это та болезнь, которая у тебя? А, нет, твоя вроде называется импотенция.

На мое счастье, в боковой аллее появляются две ее подружки и активно машут руками. Румянцева притормаживает, чтобы их подождать, а я прибавляю шаг.

Бледно-голубое небо дышит свободой, а мне все не удается понять: как можно избавиться от страданий, лишившись надежд?

10 Тори Ру, Ида Мартин

Кстати, моя мама, напротив, считает, что страдать хорошо и даже полезно и что через страдание человек очищает душу и освобождается от грехов.

Но мне совсем не хочется страдать. Никак. Ни по-христиански, ни по-буддистски.

Раньше, пока не заварилась вся эта каша с Мишкой, никто у нас в семье не страдал и все было в порядке, но в девятом классе он связался с нариками и пошло-поехало.

Мне тогда было восемь. И вначале я и понимать-то не понимал, что происходит.

Мишка просто вдруг стал пропадать из дома, ссориться с мамой, а когда ее не было, приводил домой странных людей и запрещал рассказывать ей об этом.

Мама много плакала из-за Мишки, особенно когда его в первый раз арестовали за магазинную кражу. Но тогда ему просто выписали штраф и возмещение убытков. Деньгами помог папа, и все на какое-то время замялось. А через полгода брат исчез. Не так как раньше — поболтаться у друзей пару дней, — а по-настоящему: проходили неделя за неделей, но его не было. В полиции приняли мамино заявление, однако поскольку Миша частенько тусовался с наркоманами, то и искать его никто не искал.

Мама то хоронила брата, то вдруг видела среди толпы прохожих, то получала таинственные знаки, что он вот-вот вернется.

В те времена у меня и в мыслях не было поставить слова матери под сомнение. Раз она утверждала, что Мишка являлся ей во сне, значит, так оно и было.

Потом соседка Зина отвела маму в церковь, и там ей рассказали, как нужно правильно молиться, чтобы сын нашелся. Мама молилась, молилась, и через год нам позвонили

из липецкого отделения полиции и сообщили, что нашли Мишку в каком-то притоне. К тому времени ему уже исполнилось восемнадцать и он был конченным наркоманом. Так что маме опять пришлось привлечь отца, чтобы поместить Мишку в реабилитационный центр. Брат вышел оттуда, пожил немного с нами и снова сорвался. Украл у матери золотой браслет и свалил. Вот так с того времени и пошло.

Мишка пропадал, его искали, находили, лечили, возвращали домой, а через некоторое время он опять пускался в бега. Только после второго раза отец объявил, что он не обязан давать деньги на Мишкино лечение, раз тот уже совершеннолетний. А мама работает в детском садике, и зарплата у нее совсем небольшая. Поэтому вся наша жизнь свелась к откладыванию денег на больницу для Миши.

Постепенно мама ушла с головой в церковь и стала очень религиозной. Она считала, что, кроме ее христианского бога, Мише никто не поможет, молилась без устали и приучала к этому меня. Ведь, если молиться вдвоем, вдвое увеличивается вероятность того, что Бог нас услышит, а значит, быстрее поможет Мишке.

В пятом классе я впервые понял, что одноклассники считают маму сумасшедшей. Об этом прямым текстом заявил Гоша Титов, когда нам на истории рассказывали про фанатиков старообрядцев, которые так сильно верили в бога, что сжигали себя. Было очень сложно представить, что человек может захотеть добровольно себя поджечь. Поднялось шумное обсуждение, и учительница, чтобы прекратить бедлам, коротко пояснила:

— Считайте, что они были сумасшедшими.

— Как мама Филатова? — выкрикнул Гоша, и все засмеялись.

12 Тори Ру, Ида Мартин

Учительница сделала ему замечание, а я так растерялся, что не сразу сообразил, о чем это он. Но потом понял и подрался с ним на перемене, потому что он отказывался брать свои слова назад.

Однако Гошина старшая сестра училась в восьмом, и на следующий день парни из ее класса заловили меня и пригрозили утопить в унитазе, если я еще раз посмею тронуть Гошу. А после наперебой стали твердить, что моя мама сумасшедшая и я просто должен это признать. Они дразнили, но я повелся и, не выдержав, сам набросился на них с кулаками.

Быть может, не случись этого тогда, в дальнейшем все сложилось бы совершенно иначе.

Репутацию чудака заработать очень легко, особенно в школе,— достаточно кому-то сильному и влиятельному объявить, что ты со странностями. Парни из класса Гошиной сестры не преминули это сделать, наградив меня ярлыком «мамкиного сына», чуть позже сменившегося на прозвище Святоша, но уже немного по другим причинам.

Линейка на стадионе перед школой вопреки ожиданиям проходит на удивление спокойно. Девчонка с колокольчиком у меня на плече такая хорошенькая и улыбчивая, что все смотрят только на нее, и я прикрываюсь ею, как щитом. Даже когда она заканчивает оглушительно звонить прямо над ухом, я не опускаю ее на землю перед школой, как это делал на репетициях, а несу до самого крыльца.

После отправляюсь напрямик в класс русского языка и литературы, занимаю свое коронное место на последней парте возле окна и достаю телефон. Я свою миссию выполнил, теперь имею полное право восстановить нервные клетки парой новых треков, чьи релизы слили в Сеть двадцать минут назад.

У беспроводных наушников есть одно очевидное преимущество: если сидеть, подперев голову ладонью, то наушник в одном ухе заметить невозможно. А поскольку первый урок первого сентября — это бессмысленная болтовня классной о каких-то общих воспитательных вещах, нет никакой необходимости прислушиваться и можно спокойно добить рерайт статьи о пешем туризме, за который, вместе с двумя другими статьями, мне должны заплатить две с половиной штуки.

Вообще, учусь я хорошо. И сижу на последней парте просто в качестве протеста против стереотипов, ну еще и потому, что терпеть не могу, когда что-то происходит у меня за спиной.

Класс быстро заполняется. Я мельком оглядываю входящих одного за другим. Каждый немного изменился. Кто-то стал выше, кто-то постригся, кто-то оброс, Ляпин покрылся прыщами, тот самый Гоша Титов отпустил бороду, а его бесшумный кореш, дуболом Журкин, еще сильнее раскочался.

Такие же как раньше, но немного не те.

Я с ужасом ловлю себя на мысли, что как будто даже немного рад их всех видеть. Нелепая, малодушная мысль. Отгоняю ее побыстрее: в очередной раз наступать на те же грабли я не намерен. Всякий раз, когда мне начинает казаться, будто между мной и всеми этими людьми нет никакой пропасти отчуждения и взаимного неприятия, обязательно происходит что-нибудь нехорошее.

— Здоров! — Больно шлепнув по спине, Гальский понаглomu занимает место рядом.

Мне без разницы, с кем сидеть. Гальского в классе тоже не любят, но это вовсе не повод дружить с ним. Я не из

14 Тори Ру, Ида Мартин

тех, кто сбивается в стаи. Я сам по себе. Да и Гальский мне нравится не больше прочих. Но в прошлом году я как-то по глупости помог ему с контрольной по физике, и с тех пор он возомнил, будто мы друзья.

— Слышь, Глеб,— он наклоняется к моему уху, и меня обдает запахом банановой жвачки,— а ты уже знаешь, что Макаров умер?

— Как умер?

Информация плохо укладывается в голове, потому что совсем недавно я видел Макарова живым и здоровым.

— Жанна, наверное, сейчас про это объявит,— Гальский очень доволен тем, что принес мне новость первым.

— Что же с ним случилось?

Макаров был моим самым заклятым врагом. Я его ненавидел, но сейчас все равно встревожился. В нашем возрасте люди не умирают просто так.

— На мотике расфигачился,— охотно выкладывает Гальский.— Он и Алиска. Укурились и на встречу выехали.

Лицо Гальского широкое и жирное, а нос, рот и глаза маленькие. Он вечно напоминает мне рожицу эмодзи. В этот раз ту, что с многозначительным взглядом.

— Оба насмерть.

— Ясно.

Радоваться чьему-то горю, а тем более смерти — грешно. И хотя я неверующий, мне немного стыдно за чувство облегчения, накотившее потому, что отныне я избавлен от ежедневного террора и измывательств Макарова. Но Алиску по-настоящему жалко. Алиска была «ашкой» и начала встречаться с Макаровым в конце десятого класса. Макаров считался у нас в школе крутым, и Алиска явно на это повелась, потому что раньше была вполне